ГЕРМЕС ТРИСМЕГИСТ

Вадим Кучеренко

18+

Вадим Кучеренко

Гермес Трисмегист

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Кучеренко В. И.

Гермес Трисмегист / В. И. Кучеренко — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Вызывая дух древнего алхимика Гермеса Трисмегиста, чтобы выведать у него секрет философского камня, способного превращать любой металл в золото, герой пьесы и не предполагал, что оживит тени прошлого, которые превратят его спокойную размеренную жизнь в кошмар, лишив любимой женщины, единственного сына… Все тайное становится явным и ни одно преступление не остается безнаказанным. Эти две вечные истины положены в основу сюжета пьесы «Гермес Трисмегист».В оформлении обложки использован рисунок с pixabay по лицензии CC0.

© Кучеренко В. И., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Гермес Трисмегист

Действующие лица:

Голышкин Сталвер Ударпятович, профессор.
Родион, его сын.
Мышевский Андрей Сигизмундович, крупный бизнесмен.
Ольга, медсестра.
Выхухолев Сергей Юрьевич, врач-психиатр.
Огранович Елена Павловна, нотариус.

ДЕЙСТВИЕ 1.

Квартира в старом, начала двадцатого века постройки, доме, с множеством просторных комнат с очень высокими потолками. В ней много мебели, картин на стенах и т. д. Достопримечательностью большой прихожей, помимо массивной дубовой вешалки и огромного зеркала венецианского стекла в потемневшей от времени бронзовой раме на стене, служат старинные напольные часы с маятником.

Звонят в дверь, несколько раз, с небольшими перерывами. Наконец из полусумрака квартиры появляется Родион. Он в ночной пижаме, зевает. Подходит к входной двери и открывает ее. Входит Мышевский. Часы бьют двенадцать раз.

Мышевский. Добрый день. Простите, кажется, я вас разбудил? Но мне было назначено.

Родион. А что, уже день?

Мышевский. Точнее, полдень. Судя по этим часам.

Родион. Чтоб у них маятник оторвало! Только пиплов пугают… Хотите выпить?

Мышевский. От чая, пожалуй, не откажусь.

Родион. Вообще-то я имел в виду более крепкие напитки.

Мышевский. Нет уж, увольте. Да и повода нет.

Родион. Мой дед, царствие ему небесное, говорил: было бы что выпить, а повод найдется. Впрочем, не буду настаивать.

Родион, потеряв интерес к гостю, смотрится в зеркало и начинает выдавливать прыщ на носу.

Мышевский. Так я могу видеть профессора Голышкина? Сталвер Ударпятович назначил мне на двенадцать часов. Где он?

Родион. (Неопределенно показывает рукой куда-то в глубь квартиры). Скорее всего, в своем кабинете. Строчит очередную книгу или бродит по порносайтам. Это зависит, плющит его сегодня с утра или разбодяжило на умные мысли.

Мышевский. Я могу его увидеть?

Голышкин. На подобный вопрос мой дед, Ударпят Родионович Голышкин, ответил бы, что попытка – не пытка.

Мышевский. Вообще-то это изречение приписывают Сталину. И оно весьма двусмысленно.

Голышкин. Мой дед считал Виссарионыча великим человеком. Во всех смыслах.

Мышевский. Ваш дед был…?

Голышкин. Генералом. Служил в одном всесильном ведомстве. Вас это смутило?

Мышевский. Нет, но кое-что прояснило. Мой дед был скромным врачом. Прежде чем поставить диагноз, ему приходилось много думать. Зато с тем, что он говорил, было трудно спорить.

Голышкин. Наверное, ваш дедушка слыл букой?

Мышевский. (Тихо). Он был очень общительным человеком. До того дня, когда его арестовали, а затем осудили. На двадцать пять лет без права переписки. Как врага народа… (Повышая голос). Так вы позволите мне пройти?

Родион. Если пойдете один, то не скоро дойдете. Эта квартира – полный улет! Слишком много комнат для философа. Старина Диоген отца бы не одобрил.

Мышевский. Так проводите меня. Если вас не затруднит.

Родион. Придется. (С неохотой отходит от зеркала и жестом приглашает гостя следовать за собой). Идите за мной и никуда не сворачивайте. А если вам на плечо сядет летучая мышь, не думайте, что это глюки. После смерти мамы наша квартира порядком одичала.

Родион и Мышевский медленно идут по направлению к дальней комнате.

Мышевский. А мне в ней уютно. Я словно вернулся домой после долгого путешествия.

Родион. Я сразу заметил, что вы какой-то не такой. Еще когда отказались выпить.

Мышевский. Это могло случиться после смерти вашей матери. Иногда квартиры дичают, когда уходит домовой.

Родион. Это что еще за отстой?

Мышевский. Вы не знаете народные поверья. На Руси домовой всегда считался хранителем домашнего очага. Именно он приносил в дом уют, оберегал душевный покой его обитателей.

Родион. Вот чума! А я думал, хранители домашнего очага – это кошки.

Мышевский. Кошки привязаны к людям. А домовые – к стенам. Когда старый хозяин умирает, домовой начинает изводить новых. Если те ему не по нраву. Но бывает, что осиротевший домовой просто уходит. И дом пустеет и дичает.

Родион. Выходит, мы с предком заплющили вашего симпатягу домового?

Мышевский. Вообще-то это был ваш домовой. А вы давно здесь живете?

Родион. Сколько себя помню. Квартира досталась отцу в наследство от деда. А тот утверждал, что ею владел еще его дед. Этакий родовой замок, переходящий из рода в род Голышкиных. Меня просто прет от этого! Графья Голышкины!

Мышевский. Вы в этом абсолютно уверены?

Родион. В чем? В том, что мы – графья?

Мышевский. Что еще ваш прадед владел этой квартирой?

Родион. Слушайте, меня уже колбасит от ваших вопросов! И что это вас так зацепило?

Мышевский. Простое любопытство.

Родион. Полный отстой! Но мы уже дошли, так что…

Родион и Мышевский входят в комнату, которая служит хозяину кабинетом. Голышкин сидит за массивным антикварным столом и делает записи на листе бумаги. Вдоль стен – книжные полки, заставленные книгами в золоченых кожаных переплетах. В комнате несколько мягких кресел и стульев, в углу журнальный столик. Все старинное. На реальную эпоху указывает только современный телефонный аппарат на столе. По стенам развешены картины с изображениями древних философов. Среди них своим размером выделяется портрет Сталина.

Родион. Отец, к тебе гость! Вы поладите. Он такой же обкумаренный чувак, как и ты.

Голышкин. Перестань ерничать, Родион! Говори нормальным языком цивилизованного человека. И переоденься, пожалуйста. Что могут о тебе подумать чужие люди? Посреди бела дня – в пижаме!

Родион. Не грузи меня! Пусть думают, что хотят. Я у себя дома. В чем хочу, в том и хожу. А если кому-то не нравится мой домашний прикид…

Мышевский. Мне абсолютно безразлично.

Голышкин. (Смущенно). Но я жду одного человека…

Родион. (Заинтересованно). Оленьку?!

Голышкин. А тебе не все ли равно? И какая она тебе Оленька?! Для тебя она – Ольга Алексеевна, медсестра из районной поликлиники. И ничего другого быть не может!

Родион. Как скажешь, отец. Считай, что я соскочил с темы. (Посылает ему воздушный поцелуй).

Голышкин. Нахальный мальчишка!

Родион. Пойду, поставлю шампанское в холодильник. (Делает вид, что уходит, но неожиданно возвращается). Как вы думаете, профессор, Олень… извините, медсестра из районной поликлиники! Она не откажется от бокала улетного французского шампанского?

Голышкин. (Берет в руки увесистый том). Вон отсюда! Пока я не запустил в твою неразумную голову вот этим.

Родион. Никогда бы не подумал, что книга может быть столь веским аргументом. Вы умеете быть чертовски убедительным, профессор!

Родион уходит, насвистывая «Марсельезу».

Голышкин. Несносный мальчишка! И что мне прикажете с ним делать?

Мышевский. Меньше любить.

Голышкин. Это так заметно?

Мышевский. Вас выдают интонации. Так говорит мать с обожаемым сыном-сорванцом.

Голышкин. Вы считаете, я гублю сына своей любовью?

Мышевский. Все, что безмерно, губительно. Абсолютная власть. Кровная месть. Слепая любовь. Знаете, что сказано в Библии? «Кто любит своего сына, пусть чаще наказывает его». Я частенько перечитываю эту книгу на ночь. У меня самого два сына.

Голышкин. (Задумчиво, словно бы разговаривая сам с собой). Когда умерла его мать… От инфаркта, неожиданно для всех… Я тяжело переживал ее смерть, но Родион… Он бросил университет и заперся в своей комнате… И почти год никуда не выходил. Сидел в углу и плакал. Жалобно так, словно перепуганный щенок… Я испугался, что могу потерять и его. И останусь совсем один… Вы знаете, как ужасно одиночество?

Мышевский. У моего отца было семеро детей. У меня уже пять. Кроме сыновей еще три девочки. Откуда мне знать, что такое одиночество? Иногда мне очень хочется побыть одному. Но это желание, к счастью, быстро проходит.

Голышкин. Могу только позавидовать вам… Да вы не стойте, присаживайтесь, вот в это кресло. Оно очень удобное. Извините, не имею чести знать?

Мышевский садится в одно из кресел, выбрав то, которое находилось в углу, рядом с большим напольным торшером. Иногда он откидывается на спинку кресла, и тогда на его лицо падает тень от абажура.

Мышевский. Мышевский. Андрей Мышевский. Я звонил вам вчера, Сталвер Ударпятович. Просил о встрече. И вы пригласили меня к себе домой.

Голышкин. Как же, как же! Я помню, уважаемый Андрей… Простите, как вас по батюшке?

Мышевский. Отца звали Сигизмунд. Следовательно, я – Андрей Сигизмундович. На одном дыхании не произнесешь. Если вас это затрудняет…

Голышкин. Позвольте, почему это должно меня затруднять? Моего отца звали тоже не просто – Ударпят. Это сокращенное от «ударник пятилетки». Такое было время. Массовый энтузиазм, всплеск народного творчества и все в том же духе.

Мышевский. Вы правы. Время было еще то!

Голышкин. А мой отец, Ударпят Родионович, не мудрствуя лукаво, нарек меня Сталвер. Сокращенное от «Сталину верен». И как прикажете мне к этому относиться?

Мышевский. Философски.

Голышкин. Вы правы. Возможно, только благодаря своему имени я получил степень доктора философских наук.

Мышевский. Исходя из вашей теории, Сталвер Ударпятович, я стал бизнесменом исключительно из-за отчества Сигизмундович?

Голышкин. Хм-м… В общем, только мне удалось разорвать этот порочный круг. Я назвал сына в честь своего деда, крестьянина Тамбовской губернии. От неуемной фантазии которого и беззаветной преданности новой советской власти, собственно, все и пошло. Самого его нарекли Родионом. Прекрасное и простое русское имя. (Внезапно осекается). Но я вижу, вам это неинтересно?

Мышевский. (Скрываясь в тени абажура). Почему же…

Голышкин. Простите старика, увлекся! Насколько я помню, вы пришли по поводу моей новой книги?

Мышевский. Да, Сталвер Ударпятович. Ваша «Теософическая система планов природы и существования бесконечного разнообразия форм материи в свете спиритуализма» заинтересовала меня. Это ее вы обещали адресовать своему сыну?

Голышкин. Хм-м… (Невольным раздраженным жестом отодвигает от себя книгу, но тут же придвигает обратно и бережно гладит обложку, словно голову обиженного невзначай ребенка). На экзамене, господин Мышевский, я поставил бы вам «отлично». Вы произнесли название моей книги, ни разу не запнувшись. Такое редко кому удается.

Мышевский. Это не удивительно, профессор. Я много думал о ней. Вы утверждаете, что все явления материального порядка можно свести к духовным…

Голышкин. Положим, это не я утверждаю. Вернее, не только я и далеко не первый…

Мышевский. Возможно, профессор. Но эту мысль я вычитал из вашей книги.

Голышкин. Это приятно слышать, Андрей Сигизмундович. Кстати, какое направление в спиритуализме вам ближе – абсолютное или относительное? Вы приверженец Беркли или старика Аристотеля?

Мышевский. Затрудняюсь ответить на ваш вопрос, профессор. Вообще-то о спиритуализме я имею весьма смутное представление. Я вам уже говорил, что я – бизнесмен. И пришел сюда не обсуждать туманные вопросы теософии. А с конкретной практической целью.

Голышкин. И какой именно, позвольте узнать?

Мышевский. Цель та еще. (Снова скрывается в тени). Обратить ваши способности, Сталвер Ударпятович, в деньги. Вы моя золотая жила, профессор.

Голышкин. (Издает короткий смешок). Простите, мой уважаемый собеседник, но я и деньги – две вещи несовместные. Ведь вы читали мою книгу? Тогда вы не могли не заметить, она очень далека от материализма. Да, я признаю за человеческим телом право на самостоятельное существование. Но при этом само тело рассматриваю как продукт душевной деятельности человека. Сомневаюсь, что на этом можно заработать.

Мышевский. А если вы ошибаетесь, профессор?

Голышкин. Так переубедите меня, господин Мышевский! Я буду даже рад. Но, прежде чем взяться за этот сизифов труд… Вы не откажетесь от чашки чая?

Мышевский. Если можно, черный кофе. Без сахара и сливок.

Голышкин встает, подходит к столику в углу комнаты, на котором стоят чайник, чашки, чайные и кофейные принадлежности. Заваривает кофе и подает фарфоровую чашку Мышевскому. Себе заваривает чай в граненый стакан в серебряном подстаканнике. Возвращается за свой стол.

Голышкин. А я предпочитаю зеленый чай с жасмином. Восхитительный аромат!

Мышевский. Где-то я слышал, что жасмин пахнет пороком. А черный кофе – местью.

Голышкин. Вот бы уж никогда не подумал! Хорошо, пусть будет по-вашему, господин Мышевский. Пейте свой кофе и наслаждайтесь мыслями о мести. Я же погружусь в порок. А затем вы поведаете, что привело вас ко мне…

Кабинет погружается в темноту. Освещается прихожая.

Раздается звонок в квартиру. Родион, успевший сменить пижаму на рубашку и джинсы, выходит в прихожую и открывает дверной замок. Входит Ольга. В руках у нее медицинский чемоданчик. Она останавливается перед зеркалом, поправляя прическу. Одета молодая женщина очень скромно.

Родион. (Стоя за ее спиной и восхищенно разглядывая). Здравствуйте, Оленька! Я в ауте! Вы с каждым днем все неотразимее!

Ольга. (Как будто только сейчас замечая его). А, это вы, Родион… (Говорит, глядя на его отражение в зеркале). Как здоровье Сталвера Ударпятовича? Не провожайте меня, я сама найду дорогу в его кабинет.

Родион. Ольга Алексеевна! Может быть, я дерево. Но я тупо не понимаю – в чем я провинился?

Ольга. Откуда мне знать? Пойдите и спросите об этом у вашего отца.

Родион. Не могу. У него в гостях очень крутой дядек. Они мутят какую-то важную тему. Так что вам, Оленька, придется подождать в компании со мной. (Протягивает руку, как будто желая дотронуться до руки девушки, но не решается, и пытается замаскировать свое смущение развязным тоном). Есть водка и кока-кола. Не откажетесь от коктейля Джима Моррисона?

Ольга. (Демонстративно окидывает его оценивающим взглядом и качает головой, давая понять, что разочарована увиденным). Скажите, Родион, вам больше нечем заняться? Вы маетесь от безделья или это ваша работа?

Родион. О чем вы, Ольга Алексеевна? Поясните для непонятливых!

Ольга. Каждый раз, приходя к Сталверу Ударпятовичу, я застаю вас дома. Следовательно, делаю я вывод, либо вы хронический бездельник и живете за счет отца. Либо – жиголо.

Родион. Я как трусы без резинки. Веду свободное, ничем не обремененное существование.

Ольга. Тогда не тратьте даром времени. Мужчины подобного типа для меня не существуют.

Родион. А какие дядьки вас интересуют?

Ольга. Говоря на вашем молодежном жаргоне, хитовые и прайсовые.

Родион. Вот байда!

Ольга. Таковы все женщины! Почему я должна быть исключением? Или я уродина? А, может быть, дура?

Родион. Что ты, Оленька! Ты киска. Классная киска!

Ольга. То-то, мальчик! (Щелкает его по носу).

Родион. (Обиженным тоном). Вот измена! Какой я мальчик?! Если у меня нет бабла, это еще не повод считать меня огрызком.

Ольга. Не грузись, малыш! Круче тебя только яйца, а выше – звезды. Но я называю мальчиком любого мужчину, не способного осуществить мою мечту.

Родион. И что это за глюк? Скажи, не делай козью морду, Оля! Ну, пожалуйста!

Ольга. Хорошо, малек. (Походкой модели, идущей по подиуму, несколько раз проходит по прихожей, туда и обратно). Мой глюк, как ты, баклан, задвинул – водопады Игуасу.

Родион. Святые сосиски! Это где?

Ольга. Это в Бразилии. Ничто в мире не сравнится с ними по красоте. Представь картину: более трехсот потоков одновременно низвергаются с огромной высоты. А над ними – вечная радуга, созданная мириадами капель воды и солнцем. Я видела по телевизору.

Родион. Мне казалось, все киски мечтают о Париже.

Ольга. Увидеть Париж и умереть на вершине Эйфелевой башни? Вот это действительно полный отстой!

Родион. Но Бразилия – это так далеко! Там, наверное, живут люди-антиподы?

Ольга. Угадал, крутое яйцо! Когда у нас зима, у них – лето. Когда мы плачем, они поют. Этого достаточно, или мне продолжить?

Родион. Достаточно.

Ольга. И когда я увижу водопады Игуасу?

Родион. (Безнадежно). Вот шняга!

Ольга. Теперь понятно, почему – мальчик?

Родион. Понятно, киска.

Ольга. (Останавливается рядом с ним и кладет руки ему на плечи). Ну, не дуйся! Ты очень славный, Родион. Но больше я на эту приманку не попадусь.

Родион. А если?!

Ольга. Что – если?

Родион. Если будут водопады. Игу… Иго… Как их там?! Тогда ты изменишь свое отношение ко мне?

Ольга. Сначала пусть будут. А там посмотрим.

Родион. (Берет ее руки в свои). Оля, не уходи от ответа. Для меня это очень важно!

Ольга. (С неожиданной нежностью). Милый мой мальчик! Пожалуй, я в самом деле могла бы тебя полюбить…

Родион. Продолжай!

Ольга. (Сухо, словно опомнившись). Отпустите мои руки, Родион! Мне больно! Или я пожалуюсь вашему отцу. И он поставит вас в угол.

Родион. Ты смеешься надо мной, Оля!

Ольга. А что мне, слезы лить? Нет уж, прошли те времена. Когда-то, в один апокалипсический день, лежа на больничной койке, выпотрошенная и опустошенная, я поклялась. О, это была страшная клятва! Отныне и вовеки, сказала я самой себе, я не поверю на слово ни одному мужчине. И я не собираюсь ее нарушать. Даже ради такого славного человечка, как ты.

Родион. Смейся, смейся надо мной! Но знай – однажды все изменится.

Ольга. (Гладит его по щеке). Я буду ждать этого дня, Родион.

Родион. Оля, это правда? Так я могу надеяться?

Ольга. (Дает ему легкую пощечину). Надеяться может даже мышь в мышеловке. Вопрос, на что и как долго. Вот, например, моя надежда увидеть сегодня твоего отца. Она уже почти умерла. И как быть с этим?

Родион. (Радостно). Пойду встану на колени перед предком. Может быть, он сжалится и выпроводит своего дядька.

Ольга. А как я буду благодарна тебе за это!

Родион. Но, чур, ты идешь со мной, Оля!

Ольга. Боишься, отец навешает тебе звездюлей?

Родион. Боюсь оставлять тебя одну. А вдруг ты исчезнешь, как сон наркомана? Может быть, ты даже не женщина.

Ольга. А кто же тогда?! Вот нахал!

Родион. Я хотел сказать – не реальная женщина. Иногда мне кажется, что ты просто мой глюк.

Ольга. (Берет его за руку). Вот моя рука. Она из плоти и крови. Чувствуешь, какая теплая? Держи ее крепче. Может быть, тогда тебе удастся меня удержать.

Родион. (Целуя ее руку). Ты хочешь этого?

Ольга. О, если бы я сама знала, чего я хочу! (Отнимает свою руку и быстро идет по направлению к кабинету Голышкина).

Родион, опережая Ольгу, подходит к закрытой двери кабинета, откуда раздаются голоса. Но не входит, а преграждает Ольге путь и снова начинает целовать женщине руку, которую она не отнимает, прислушиваясь к разговору за закрытой дверью.

Свет освещает кабинет.

Мышевский. Спасибо за кофе, Сталвер Ударпятович.

Голышкин. Может быть, еще чашечку?

Мышевский. Если не возражаете, профессор, я хотел бы перейти к делу.

Голышкин. Извольте. (Жестом показывает на свою книгу). Итак, уважаемый господин Мышевский, если я вас правильно понял, вас влечет потусторонний мир и его тайны?

Мышевский. Я прагматик, профессор. Тайны потустороннего мира? Они начнут меня волновать, когда я переселюсь в этот самый мир. Надеюсь, это произойдет не скоро. Пока что для меня имеют интерес тайны мира живых. Вернее, только одна из них. Но уж за ней я, подобно Орфею, готов даже спуститься в царство мертвых.

Голышкин. И что же это за тайна, господин Мышевский? Она того стоит?

Мышевский. (Скрывая свое лицо в тени). Философский камень.

Голышкин. Хм-м… Так ваша навязчивая идея – это магистериум?! Признаюсь, вы меня разочаровали.

Мышевский. Но почему, профессор, вы так презрительно отзываетесь о моей идее фикс?

Голышкин. В конце концов, это даже не камень, если говорить о его внешнем виде. А некий химический реактив. Порошок, необходимый для трансмутации различных металлов в золото.

Мышевский. Вы считаете, это важно – как выглядит тайна, сводящая вас с ума?

Голышкин. А как же! Ведь вам не все равно, как выглядит женщина, которую вы собираетесь покорить? Или, говоря ужасным современным языком, уложить в свою постель.

Мышевский. Как можно даже сравнивать!

Голышкин. Но, возможно, я тороплюсь с выводами? И вас волнуют другие свойства философского камня? Те, которые, так сказать, можно употребить во благо человечества? Ведь принятый внутрь в малых дозах, этот золотой напиток – древние алхимики называли его aurum potabile, – способен исцелять любые болезни, омолаживать человеческое тело и даже продлять жизнь.

Мышевский. (Презрительно). Облагодетельствовать человечество? (Меняет тон, спохватившись). Знаете, профессор, я как-то не думал об этом. Возможно, потому что человек по природе своей – эгоист. И разве можно его за это винить? Таким его создал Господь Бог.

Голышкин. Но, к счастью для человечества, не всех людей Бог создал эгоистами. Истории известны примеры, когда некоторые индивидуумы жертвовали своей жизнью ради блага остальных людей.

Мышевский. В семье не без урода, профессор. И, в конце концов, если будет счастлив каждый – разве это недостаточно для счастья всего человечества?

Голышкин. А вы искусный софист, господин Мышевский. И в чем-то схожи со своим вожделенным философским камнем. Ваши мысли, как яд, проникают в сознание и разрушают благородные идеалы. Трансмутируют романтиков в циников.

Мышевский. Право, профессор, вы слишком строги ко мне.

Голышкин. Ну да оставим этот бесплодный спор, господин Мышевский. Вернемся к его истокам. Разве вы не знаете, что философский камень считается досужей выдумкой древних алхимиков?

Мышевский. Да-да, я слыхал об этом. И о том, что позднее ее подхватили, как знамя, шарлатаны разных мастей. И начали зарабатывать на простаках, поверивших в чудесную силу философского камня.

Голышкин. Ну, вот видите…

Мышевский, увлекшись спором, встает с кресла и начинает ходить по кабинету, иногда задевая кресла и стулья, но в сильном волнении не замечая этого.

Мышевский. А Раймонд Луллий? Вы знаете об испанце, жившем в четырнадцатом веке? Английский король Эдуард заказал ему выплавить шестьдесят тысяч фунтов золота из ртути, олова и свинца. И он выполнил заказ!

Голышкин. Все расчеты по торговым сделкам тогда велись оловом. Столько золота просто не могло быть во всей королевской казне!

Мышевский. Но остались исторические документы. Из них явствует, что в эпоху короля Эдуарда королевская казна была полна золота. Им расплачивались при заключении самых крупных сделок с торговой республикой Ганзой.

Голышкин. Даже в исторические документы может вкрасться ошибка.

Мышевский. Пусть количество золота преувеличено. Но ведь сам факт никто не оспаривает! Отчеканенные из золота Раймонда Луллия нобли до сих пор хранятся в английских музеях.

Голышкин. Великая мистификация!

Мышевский. Сталвер Ударпятович! (Обвинительным жестом наставляет палец на собеседника). Вы обвиняете английского короля во лжи?

Голышкин. Хм-м… Не короля. А так называемых летописцев.

Мышевский. Профессор, почему вы не хотите поверить в самое простое объяснение? В то, что Раймонд Луллий каким-то неведомым образом узнал рецепт приготовления философского камня и воспользовался им. Или вас смущает время, в которое он жил?

Голышкин. Признаться, да. Средневековье погружено во мрак. (Указывает на стеллажи с книгами). Некоторые хроники всерьез утверждают, что в те времена водились огнедышащие драконы. Им тоже прикажете верить?

Мышевский. В драконов? Не знаю, не думал об этом. Все может быть… Но ведь возможность превращения определенных элементов таблицы Менделеева в золото была доказана уже в двадцатом веке.

Голышкин. Да, подобное нередко происходит в процессе работы ядерного реактора. Но золото получается в ничтожно малых концентрациях и слишком дорогим. И уж тем более оно не может служить панацеей от болезней и старости.

Мышевский. Поэтому ученые предпочитают об этом умалчивать. Тем более что эта химическая реакция плохо влияет на работу самого ядерного реактора. Однако факт есть факт.

Голышкин. И что он доказывает?

Мышевский. То, что трансмутация любого металла в золото возможна! Беда в том, что рецепт философского камня затерялся в веках. А все, кто знал его, уже давно обратились в прах.

Голышкин. Хм-м… Хорошо. Пусть будет по-вашему. Но зачем вы пришли ко мне?

Мышевский снова опускается в кресло и скрывается в тени.

Мышевский. Из-за вашей книги, профессор. Вы сами утверждаете, что спиритический сеанс – это реальная возможность пообщаться с уже умершими людьми.

Голышкин. Подождите, подождите, господин Мышевский! Кажется, я догадался! Так вот в чем дело! (Теперь уже он встает из-за стола и начинает мерить кабинет шагами, произнося фразы так, словно обращается не к собеседнику, а отвечая собственным затаенным мыслям). Вы не собираетесь тратить свою жизнь на эксперименты. Просиживать годами в лаборатории, склонившись над ретортами в надежде увидеть когда-нибудь на дне одной из них щепотку золотого песка? Это не для вас! Вместо этого вы хотите войти в духовный контакт с одним из тех, кто некогда владел рецептом философского камня. И выпытать у него секрет трансмутации. (Как будто очнувшись, останавливается напротив Мышевского и долго недоуменно смотрит на него в упор, словно пытаясь вспомнить, кто это). Ах, да… Поправьте меня, если я ошибаюсь.

Мышевский. Вы не ошибаетесь, профессор.

Голышкин. И кого же вы избрали для этой цели? Испанца Луллия? Или самого короля Эдуарда?

Мышевский. (Торжественно). Гермеса Трисмегиста.

Голышкин. (Хватаясь руками за голову). Бог мой! Вы еще более безумны, чем я предполагал.

Мышевский. А что вас смущает, профессор? Думаю, что больше Гермеса Трисмегиста о философском камне не знает никто. Недаром его называли Гермесом Триждывеличайшим. Именно этот египтянин впервые поведал миру о философском камне, который он получил во время своих алхимических опытов.

Голышкин. Но ведь это мифологическая личность! В преданиях его называют сыном египетских богов Осириса и Исиды. И даже отождествляют с древнеегипетским богом-чародеем Тотом. Вероятнее всего, этот человек даже не существовал.

Мышевский. Существовал и писал книги. Именно из них мир узнал о философском камне. К сожалению, большинство книг погибло при пожаре в Александрийской библиотеке. Немногие уцелевшие были зарыты адептами Гермеса Трисмегиста в различных тайниках в пустыне.

Голышкин. И вы в это действительно верите?

Мышевский. До нашего времени дошли некоторые переводы его книг. К сожалению, сильно искаженные. Из них почти ничего нельзя понять.

Голышкин. И вы рассчитываете, что во время спиритического сеанса этот мифологический египтянин явится с того света и откроет вам свой рецепт?

Мышевский. А почему бы и нет? Думаю, до меня многие пытались осуществить это. Большинству не удавалось. Но кому-то везло.

Голышкин. Мне кажется, господин Мышевский, вы уверены в том, что вам Гермес Трисмегист не откажет.

Мышевский. Мне – нет.

Голышкин. И почему же?

Мышевский. Потому, профессор, что от Гермеса Трисмегиста мне нужен не рецепт приготовления философского камня. Этот рецепт мне уже известен…

Свет в кабинете гаснет.

Родион пытается поцеловать Ольгу в губы. Но та закрывает рот юноши ладонью и качает головой.

Родион. Но почему, Оля? Тебе неприятно?

Ольга. Тс-с!

Женщина прикладывает свой палец к его губам и жестом приглашает прислушаться к голосам, доносящимся из-за двери.

Кабинет снова освещается.

Голышкин. Вы вычитали этот рецепт в одном из плохих переводов книг великого алхимика-египтянина? Уж не тех ли самых, что сгорели в Александрийской библиотеке?

Мышевский. Напрасно иронизируете, профессор. Я получил его в наследство от своего отца.

Голышевский. Хм-м… Простите, но кто был ваш отец?

Мышевский. Ничего сверхъестественного. В молодости он увлекался археологией. Ходил в экспедиции подсобным рабочим. В одной из них, в пустыне, они наткнулись на полуразрушенную гробницу. Во время раскопок отец нашел тайник в стене, а в нем – древний манускрипт. Кусок пергамента, источенный временем и песком. На нем были начертаны почти нечитаемые иероглифы. Отец был порядочным человеком, но, напоминаю, он был молод…

Голышкин. Иными словами, он украл манускрипт?

Мышевский. Я бы выразился более мягко. Утаил. Возможно, даже не по собственной воле. Как он говорил, нечто, неподвластное человеческому разуму, овладело его волей. Когда отец пришел в себя, он находился уже в своей палатке. Как он очутился в ней, выйдя из гробницы и пройдя незамеченным для всех, он не помнил. А пергамент, бережно завернутый в чистую рубаху, лежал в его рюкзаке. Отец пришел в ужас от собственного поступка, но отступать было поздно. Если бы он даже вернул пергамент, его все равно обвинили бы в краже и прогнали из экспедиции. А, возможно, даже отдали бы под суд, учитывая, какие были времена. Хищение государственной собственности каралось более жестоко, чем убийство.

Голышкин. На Ближнем Востоке ворам отрубали правую руку. В Древней Руси – клеймили и рвали ноздри. Но воровать не переставали ни там, ни там. Я думаю, высшие силы здесь не при чем. Такова природа человека. Ваш отец боялся – и все-таки совершил эту кражу. Зачем ему был нужен этот пергамент? Сомневаюсь, что он даже понимал, что это такое. Неужели он думал, что кто-то у него купит эту старую тряпку, в которую манускрипт превратили минувшие века?

Мышевский делает резкое движение, словно собирается наброситься на Голышкина, но усилием воли сдерживается и остается сидеть в кресле, снова уйдя в тень. Он говорит тихо и даже монотонно, но за этим кажущимся спокойствием можно различить готовую разразиться бурю. Однако Голышкин ничего не замечает, увлеченный спором.

Мышевский. Пусть будет по-вашему, профессор. И сверхъестественные силы здесь совершенно не при чем, а мой отец был обыкновенным мародером. Но в его оправдание я хочу сказать вот что. Многие годы отец посвятил тому, чтобы прочитать написанное на манускрипте. Отец не продал никому эту старую тряпку, как вы ее назвали. И даже не пытался.

Голышкин. И ему… Удалось прочитать?!

Мышевский. На это ему потребовалась почти вся жизнь. Несколько лет отец изучал давно уже забытый, мертвый язык, на котором была сделана надпись на пергаменте. И несколько десятков лет ему понадобилось, чтобы разгадать шифр. Тот, которым воспользовался Гермес Трисмегист, чтобы записать свою великую тайну.

Голышкин. А вы уверены, что это был именно Гермес Трисмегист?

Мышевский. Как и в том, что моего отца звали Сигизмунд. Манускрипт был подписан великим египтянином. Но даже если бы подписи не было, содержание текста говорило само за себя. Это был рецепт философского камня.

Голышкин. (Взволнованно). Ваш отец… Сигизмунд… Он воспользовался этим рецептом?

Мышевский. К счастью, нет. К тому времени, когда секрет манускрипта был разгадан, отец уже давно тяжело болел. И вскоре он умер. Единственное, что он успел – завещать манускрипт мне. Он рассчитывал, что я завершу дело всей его жизни.

Голышкин. Постойте! Почему вы сказали – к счастью?

Мышевский. Потому что ему не довелось пережить разочарование, которое пришлось испытать мне. Неужели вы думаете, что я не попытался изготовить философский камень?

Голышкин. Хм-м… Но у вас ничего не вышло, насколько я понимаю.

Мышевский. Я получил очень красивые кристаллы ярко-рубинового цвета. Как выяснилось, это был чистейший хлораурат серебра с очень высоким процентным содержанием золота. Сорок четыре процента! При плавлении кристаллы придавали раствору золотую окраску. Но все-таки это не было чистое золото, ради которого и затевалось все предприятие.

Голышкин. Но, возможно, именно его алхимики и считали философским камнем?

Мышевский. Только шарлатаны и неудачники. Я уверен, что именно для них Гермес Трисмегист и записал этот свой рецепт. Чтобы никто не догадался, египтянин придал ему видимость правдоподобия, но изменил какой-то ингредиент. Возможно, всего один, но в результате золота в растворе только сорок четыре процента. И если нам удастся узнать у самого алхимика его маленький секрет, мы станем баснословно богаты, профессор!

Голышкин. (Удивленно). Мы? Вы не оговорились?

Мышевский. (Скрываясь в тень). Разумеется, мы. Я не в ладах со спиритизмом. Мои попытки общения с духами закончились неудачей. Вы же, насколько я понимаю, в этом деле специалист. Поэтому я предлагаю вам открыть совместное предприятие. В качестве уставного взноса я вношу в него рецепт философского камня, завещанный мне отцом. А вы…

Голышкин. Да, действительно, а что я?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.